

АНГЛИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОСЛЕ СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

В. И. Золотов

Традиционно датой окончания Столетней войны считается 19 октября 1453 г. — день, когда англичане сдали французам Бордо. Однако завершение столь долгого конфликта не было скреплено каким-либо правовым соглашением. Не сразу осознав, что произошло в октябре того года, английские короли все еще полагали, что сохраняют права на французскую корону. И при Ланкастерах, и при Йорках, и при Тюдорах идея возвращения французской короны продолжала витать в воздухе. Однако «война роз» в самой Англии и искусная политика Людовика XI во Франции по укреплению своей власти воспрепятствовали возобновлению войны.

В историографии англо-французского противостояния тех лет подробно рассматриваются взаимоотношения двух стран после 1453 г. Их итог емко подвел Э. Ле Руа Лядюри, заметив, что мир в Пикиньи в августе 1475 г. блестяще для Франции положил конец франко-английскому конфликту, длившемуся более столетия¹. Отдаленным эхом Столетней войны стали потерпевшие неудачу экспедиции 1474—1475 гг. и 1492 г., которые показали, что идея Англии как «живущего войной государства» (war state) исчерпала себя². По мнению Ле Руа Лядюри, Англия в начале 1450-х гг. вступила в фазу символического превраще-

Всеволод Иванович Золотов, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Брянского государственного университета.

¹ *Ле Руа Лядюри Э.* Королевская Франция (от Людовика XI до Генриха IV). М., 2004. С.87–88. По миру в Пикиньи английский король Эдуард IV за солидное вознаграждение в 50 тыс. крон и ежегодную пенсию фактически отказался от претензий на французские владения, кроме Кале.

² *Harris G.* Political society and the growth of government in later medieval England// Past and Present. 1993. N 138. P.56–57.

ния в островную державу. Уже Людовик XI интуитивно почувствовал, что англичане предпочитают воздерживаться от экспедиций на материк. По условиям Этапльского договора 1492 г., Франция в очередной раз за большие деньги выторговала отказ Лондона от вмешательства в дела ее северных провинций, в том числе Бретани. Договор гарантировал, что Бретань, ставшая сателлитом Валуа, больше не будет яблоком раздора между французской и английской монархиями. Тюдоры отказывались от континентальных авантюр³. Англичане замыкались в блестящей островной изоляции, сохраняя за собой на континенте лишь Кале⁴.

В исследованиях по истории отношений двух стран отмечается, однако, что и после 1453 г. между ними долгие годы фактически сохранялось перманентное противостояние, что было связано с борьбой Йорков и Ланкастеров в «войнах роз» и с конфликтом между Людовиком XI и Карлом Смелым. И английские, и французские монархи, принцы, претенденты на трон охотно искали себе союзников по другую сторону пролива: Йорки блокировались с Карлом Смелым, французский король с Ланкастерами. Должно было пройти еще немало времени, прежде чем англичане стали понемногу осознавать новые реальности. Привычный, устоявшийся мир, предполагавший обладание территориями на континенте, рушился. Разные политические и общественные силы в английском обществе по-разному осмысливали подобные изменения. Оценки происходящего, в которых отразились стереотипы мышления, старые и новые, появившиеся уже после 1453 г., образы, свидетельствуют о происходившем брожении в умах англичан, о поисках ими путей адаптации к изменившейся ситуации, о появлении у них нового отношения к власти. Эти процессы в немалой степени определяли формирование в стране новых политических ценностей.

Чтобы лучше понять особенности процесса становления у англичан нового отношения к происходившему в мире, целесообразно сравнить его с аналогичными изменениями на французской стороне. Если осознание новой ситуации у англичан происходило мучительно и долго, то французы, напротив, чуть ли не со времен Людовика XI сумели приспособиться к ней, опередив в этом своих прежних врагов. Летописцем того времени, что последовало за славной победой Фран-

³ *Ле Руа Ладюри Э.* Указ. соч. С.103.

⁴ Там же. С.88.

ции, увенчавшей эпоху, полную событий «удивительных и горестных», стал Филипп де Коммин.

Этот историк сумел наиболее точно оценить изменение ситуации. Он вращался в самой гуще политических событий второй половины столетия, знал всю подноготную бургундской политики, долгое время являлся первым советником Людовика XI, почти неотлучно находясь при нем. Свое же сочинение он создал уже после завершения службы при дворе, в 1490-х гг. Победа французского оружия на последнем этапе Столетней войны, успехи королевской дипломатии и возрождение французского государства стали предметом ретроспективного освещения Коммина, свободного от влияния политической конъюнктуры, достаточно беспристрастного и полного интересными наблюдениями.

Он вполне определенно утверждает, что в эпоху Эдуарда IV (1461-1483), а, следовательно, и в эпоху Людовика XI, англичане едва ли думали о возобновлении полномасштабной войны. Все частные конфликты (набеги на побережье обеих стран, отдельные стычки и даже экспедиция 1475 г., когда Эдуард IV высадился на французской земле) связаны были с внутренними проблемами этих стран. Коммин почти уверен, что король Эдуард не хотел большой войны. Он считает, что Людовик хорошо изучил характер английского монарха, слишком привыкшего к удобствам и удовольствиям. Эдуард IV совсем не был приспособлен к тем трудностям, которые приходилось преодолевать английскому королю, вознамерившемуся завоевать что-либо во Франции⁵.

Тем не менее, по мнению Коммина, традиция, замешанная на мифах о праве английских королей на французскую корону, заставляла Эдуарда постоянно бросать взгляды за Ла-Манш. Историк считал, что, хотя поход 1475 г. был Эдуарду весьма не по душе, королю пришлось пересечь море, поскольку этого желало все его королевство, слишком хорошо помнившее об прежних временах⁶.

Автор «Мемуаров» сетует на сохраняющуюся у англичан уверенность в их правах на французскую корону⁷:

⁵ Коммин Ф. де. Мемуары. М., 1986. С.154.

⁶ Там же. С.153.

⁷ Подробнее см.: *Taylor C.* Sir John Fortescue and the French Polemical Treaties of the Hundred Years War // *The English Historical Review*. 1999. Vol.64. N 455; *Lewis P.S.* War, Propaganda and Historiography in Fifteenth Century France and England // *Essays in Later Medieval French History* / Ed. P.S.Lewis. L., 1985; *Калмыкова Е.В.* Война за французскую корону как божественное право и священный долг королей Англии // *Искусство власти*. СПб., 2007.

В 1475 г. перед тем, «как ... выйти из Дувра, король Англии ... послал письменный вызов (Людовику XI—В. З.), составленный на прекрасном языке и в изящном стиле (уверен, что англичанин так никогда не напишет), с требованием вернуть ему Французское королевство, которое должно ему принадлежать, дабы он мог восстановить старые вольности для церкви, знати и народа, избавив их от великих тягот и забот, на которые их обрек (французский? — В. З.) король, и с оправданием всего того, что последует в случае отказа — и все это в обычной для таких посланий форме и манере»⁸.

И в другом месте историк отмечает:

«Ведь наш король прекрасно понимал, что англичане, как дворянство, так и общины и люди церкви, всегда склонны к войне против Франции под предлогом своих претензий на французский престол и в надежде на завоевания ... и они до сих пор надеются повторить это»⁹ (сказано при описании событий 1478 года, через год после смерти Карла, герцога Бургундского — В. З.).

Как видим Коммин уверен, что английского монарха, чья позиция была достаточно осторожна, подталкивали к походам против Франции вполне определенные силы. Прежде всего, «общины» — понятие, которым в Англии традиционно обозначается отличная от аристократии часть общества: торговцы, купцы, горожане, мелкие дворяне и т. д. Говоря об экспедиции 1475 г., историк упоминает о тех, «кто в общинах Англии ратовал за этот поход». Там же Коммин бросает реплику, что король Англии действует не по своему почину, а побуждаемый герцогом Бургундским и «общинами» Англии. В другом месте он вновь говорит о заинтересованности в войне «общин» Англии и торговых людей¹⁰.

Особо Коммин отмечает позицию еще одной группы английско-го общества — знати. Он говорит или о дворянстве в целом, как одном из слоев общества, или о знатных людях¹¹. В двух случаях он конкретно называет представителей этого сословия, стремившихся к войне. Желание Эдуарда IV жить мирно с Францией «часть членов его Совета называла великим ущербом для его королевства ... особенно среди

⁸ Коммин Ф. де. Мемуары. С.135–136.

⁹ Там же. С.220–221.

¹⁰ Там же. С.154, 221, 141.

¹¹ Там же. С.141, 221.

тех, кто стремился к смутам и раздорам»¹². А после заключения мира в Пикини в беседе двух монархов не захотели участвовать герцог Глостер, брат короля (будущий Ричард III—В. З.), и некоторые другие, недовольные этим миром¹³.

Взвешенность оценок Коммина импонирует. С одной стороны, победа Франции позволяла с немалой степенью великодушия писать о бессмысленности попыток англичан взять реванш. С другой стороны, его статус позволял получать такие свидетельства, какие были недоступны для рядового хрониста. В известной степени, Коммин отражал сложившееся к 1490-м годам у французов представление о том, что какое значение для них имел английский фактор в 60–70-х г. XV в.

Английский взгляд на существо отношений иной. Источники для его изучения имеют свои особенности. Просмотр хроник, близких по времени создания ко второй половине столетия, обнаруживают слабый интерес авторов к событиям на материке. Их внимание сосредоточено на бесконечных стычках и конфликтах двух враждующих английских династий на самом острове. Создается впечатление, что заморские дела для английских хронистов того периода не слишком интересны. Несколько более внимательны к теме французской политики такие авторы конца XV—первой половины XVI в., как Роберт Фабиан, Эдуард Холл и Полидор Вергил. Однако они заимствовали конкретную информацию о событиях из одного и того же ряда источников — у хронистов XV в. Их попытки объяснить некоторые события династического противостояния в Англии с учетом французского фактора сводятся к описанию внешнеполитической канвы «войны роз». На страницах их сочинений трудно обнаружить какие-то попытки анализа природы и целей прежнего противостояния с Францией, подобные тем, что есть у Коммина¹⁴.

СOLIDНЫЙ свод хроник Роберта Фабиана (ум. в 1512 г.), знавшего еще современников Столетней войны, наиболее скупо освещает интересующие нас события. Эдуард Холл (ум. в 1547 г.) и Полидор Вергил (его труд создан в 1534 г.) несколько более обстоятельны, но и их интереса хватает лишь на весьма эмоциональное описание событий вокруг Бордо в октябре 1453 г.

¹² Там же. С.223.

¹³ Там же. С.150.

¹⁴ По замечанию К. Фаулера, в Англии XV в. не было мемуаристов, подобных Базену и Коммину. — Fowler K. The Age of Plantagenet and Valois. L., 1967. P.199.

Вергил начинает свой рассказ о происходившем в последний год войны с характеристики доблестного, по его мнению, поведения жителей Бордо после вступления французской армии в Гиень весной 1452 г. Они, по утверждению Вергила, отправили послов к Генриху VI, сообщив английскому монарху, что жители города на тайных собраниях решили вернуться под власть английской короны, если он пошлет свою армию в Аквитанию, и готовы всячески помочь такому предприятию. Тем более что у французов в провинции не было значительных военных сил. Просьба жителей Бордо была услышана, и король принял «благоразумное» (good) решение возобновить войну. Преданность горожан весьма польстила ему, и он обещал послать лорда Тальбота с войском в Аквитанию, чтобы сражаться против короля Франции на море и на суше¹⁵. Здесь можно говорить об эмоциональном неприятии поражения в войне и о планах немедленного реванша. Можно поверить и сообщениям о настроениях горожан Бордо: далекий монарх мог казаться им предпочтительнее сидящего по соседству. Такие настроения, очевидно, существовали среди жителей французской провинции с начала Столетней войны.

Лорд Тальбот, продолжает Вергил, не стал медлить и энергично взялся за организацию экспедиции. Сборы были основательны, англичане старались предусмотреть все. Их кораблям благоприятствовал попутный ветер (Вергил склонен видеть в этом знак свыше). После высадки Тальбот отправил во все концы провинции отряды, которые «огнем очищали округу (от неприятеля? — В. З.), повергнув жителей в страх и ужас»¹⁶. Жители Бордо (очевидно, заговорщики — В. З.), услышав о приближении Тальбота, тайно вошли в контакт с англичанами. Контекст источника позволяет считать, что эта часть бордосцев была готова открыть ворота англичанам. Те, кто не был посвящен в заговор, начали покидать город в страхе за свою жизнь¹⁷. Кроме Бордо, отмечает Вергил, на сторону англичан перешли и «другие города в Аквитании». Французский король Карл VII в это время осаждал Шатильон (Chastellion) в верховьях Сены¹⁸. Туда и ринулся английский лорд, найдя свою смерть под стенами этого города.

¹⁵ *Vergil Polydor. Three Books of English History comprising the Reigns of Henry VI, Edward IV and Richard III/Ed. H. Ellis. L., 1844. P.89–90.*

¹⁶ *Vergil Polydor. P.90–91.*

¹⁷ *Ibid. P.91.*

¹⁸ Ошибка Вергила, Шатильон располагался там же, в Гиени, на восток от Бордо. См.: *Пеппуа Э. Столетняя война. СПб., 2002. Приложения. «Карты».*

После гибели Тальбота англичане по существу потеряли сразу все свои завоевания, кроме Бордо. Французский король осадил город. Англичане умело, по словам Вергила, оборонялись. Те жители Бордо, которые тайно сносились с английским королем, не захотели просить милости у своего монарха. Однако голод заставил их согласиться на условия, предложенные Карлом. К тому же, условия эти оказались мягкими: ни одного бордосца не обвиняют в измене, англичане уходят на свой остров с оружием и имуществом, безопасность им гарантируется; за ними могут последовать и те жители города, кто не захочет остаться¹⁹. Так Бордо был возвращен французам, заключает Вергил. Он заканчивает рассказ о заморских делах следующим выводом: «Это было, наконец-то, окончанием заморской войны и началом гражданских потрясений». О войне за морем историк больше ничего не сообщает.

Кроме Вергила, о событиях осени 1453 г. писал и Эдуард Холл²⁰. Он рассказал о попытках Англии сохранить всю провинцию за собой. Совет Англии, дабы сохранить и усилить свой контроль над Гиенью, послал на материк Уильяма Вудвиля с 800 солдатами. Тогда же король, пишет Холл, вспомнил доблестную службу и знаменитые деяния Джона, лорда Тальбота, графа Шрусбери и отправил его с трехтысячным войском в Нормандию и затем в Гиень. Этот лорд «не забыл своего долга и не утратил своего мастерства, а повседневно стремился и ежедневно старался досаждать и угрожать врагам».

В остальном, говоря о заморских делах, Холл немногословен. Сообщая об экспедиции 1475 г., он считает, что Эдуард IV едва ли желал этого похода и стремился «к сохранению порядка, к улаживанию тех дел, что нарушали этот порядок»²¹. Речь идет, несомненно, о внутренних проблемах Англии. Карл же Бургундский, сетует Холл, был слишком амбициозен и желал прирастить свои владения, его дух не знал покоя. Холл также сообщает об участии в экспедиции многих представителей знати²² Фабиан еще более лаконичен. О заморских делах 1450-х — 1470-х гг. он упоминает лишь дважды — о гибели Тальбота и о подготовке экспедиции 1475 г., когда «прозвучал при-

¹⁹ *Vergil Polydor*. P.93.

²⁰ *Hall E. Chronicle of Lancaster and York, 1399–1547/Ed. H.Ellis. L., 1809. P.202.*

²¹ *Ibid.*P.307. Эдуард Холл единственный из английских авторов, кто пытается объяснить позицию Эдуарда IV в 1475 г.

²² *Ibid.*P.307–308.

зывает к лордам, духовным и светским, внести свой вклад в поход через пролив»²³.

Как видим, в источниках обеих сторон история войны фактически заканчивается описанием экспедиции 1475 г. Не является ли это свидетельством того, что она была поворотным пунктом в отношениях двух стран после 1453 г.?

Говоря о мире в Пикиньи, Вергил определяет приоритеты различных политических и социальных сил, деля их на интересы короны, интересы общества и отдельных сословий. Первые вполне определены — отказ от вмешательства в дела Франции. Эта оценка Вергила перекликается с наблюдениями Коммина. Однако в английском обществе второй половины XV в. сохранялось немало сил, которые не хотели расставаться с иллюзиями и надеждами на сохранение французских владений. Так, английский поэт продолжал именовать Эдуарда IV «королем Англии и Франции», призывая к возобновлению войны²⁴. В 1492 г. Генрих VII вторгся во Францию, вмешавшись в спор французского короля за бретонское наследство²⁵.

Источником воинственных настроений в английском королевстве оставалась знать. Об этом не раз упоминается в наших источниках. Тем не менее, если верить свидетельству хронистов, существовали в английском обществе и взгляды, иной, нежели у аристократии, направленности. Такие настроения прослеживаются еще до 1453 г. После Арраского (1435 г.) мира, когда Англия потеряла в Столетней войне своего бургундского союзника и оказалась перед лицом военной-политической катастрофы, начался процесс переосмысления ее места в Европе. Кризис английского общества во время «войны роз» заставил говорить и об особой роли монарха, его ответственности перед подданными, что было весьма актуально при слабом Генрихе VI.

В конце 1436 г. в Англии появился любопытный трактат «Маленькая книжечка об английской политике»²⁶. В первых главах сочинение красочно описывает многосторонние торговые связи Англии со странами Европы — от Италии и Португалии до Исландии и Пруссии. Но пафос сочинения не в этом. Автор уверен, что столь успешная торговля может быть обеспечена только морской мощью королев-

²³ *Fabyan R.* The New Chronicles of England and France/Ed. H.Ellis. L., 1811. P.664.

²⁴ Historical Poems of the Fourteenth and Fifteenth Centuries/Ed. R.H.Robbins. N.Y., 1959. P.92; *Lander J.R.* Crown and Nobility, 1450–1509. L., 1976. Ch. 9.

²⁵ *Fabyan R.* P.442, 684; *Коммин Ф. де.* С.151.

²⁶ The Libelle of Englyshe Polycye/Ed. G.Warner. Oxford, 1926.

ства. Фактически трактат призывает отказаться от континентальной политики, свернуть английское присутствие во Франции (от освоения Ирландии, говорит автор, доходов можно получить больше, чем от войны во Франции), сосредоточить все внимание и мощь королевства на контроле за прилегающими к острову морями. Автор сочинения уверен, что только морская мощь может вернуть Англии былое положение в мире. Для преодоления же внутренней нестабильности необходимо единение и согласие «достойных и знающих». Они должны сплотиться вокруг правительства, не ссориться, идти к согласию и единодушию. Это — путь к богатству и славе. И знать не сможет больше строить свои козни.

По одной из версий, автором трактата был Адам Молейнс, епископ Чичестерский²⁷. В 1436 г. он, получив степень доктора права, стал клерком королевского Совета, с 1441 г. — членом Совета, а на пике карьеры — лордом-хранителем Малой печати. Должность клерка Совета не давала ему больших возможностей знакомства с государственными мужами и государственной политикой. Но он приобрел вес и авторитет, постоянно работая в комиссиях, занимавшихся самым разными аспектами торговли — от переговоров по новым договорам до исследований законности захвата торговых судов в Ла-Манше. Среди представителей знати и прелатов в Совете он был наиболее опытным специалистом по торговле: к нему обращались всякий раз, когда требовалась соответствующая экспертная оценка или применение дипломатических талантов²⁸.

Содержание поэмы, основные мысли автора дают строгую, стройную программу государственных интересов или, если для того времени применимо такое понятие, интересов королевства. Морская и торговая политика предлагается как альтернатива политике военных авантюр. По сути, речь идет о ревизии целей войны. В трактате нет призывов к поискам военной славы, но содержатся лишь меркантильные расчеты, лишённые рыцарского духа. Залог процветания Англии, ее перспективы — на морских просторах, а не в господстве над чужой землей. Автор сумел подняться над узкосословными интересами верхушки правящего сословия.

²⁷ Историографию памятника, проблему авторства см.: Warner G. *Introduce // The Libelle of Englyshe Polycye*. Oxford, 1926; Золотов В. И. В споре с короной: королевский чиновник и рыцарь в поисках выбора на исходе Столетней войны // *Человек XV столетия: грани идентичности*. М., 2007.

²⁸ Warner G. *Op. cit.* P. XLIII.

Символична трагическая смерть Молейнса. В начале января 1450 г. он был растерзан в Портсмуте толпой разъяренных матросов, якобы не получивших положенного им жалованья²⁹. Возможно, убийство было инспирировано теми силами в Англии, которые ратовали за продолжение войны во Франции, несмотря на роковые неудачи англичан в Нормандии и Мэне в конце сороковых.

Но и в 1453 г., когда результат войны стал очевиден, не смирившиеся с поражением «вероломные магнаты» не исчезли. Не исчез и союз между амбициозными французскими принцами и английскими претендентами на престол во Франции. Трудно было найти в условиях мира и подходящее занятие для людей, привыкших к военному ремеслу³⁰.

Голос автора «Маленькой книжечки об английской политике» едва ли мог быть сразу услышан и после 1453 г. С одной стороны, на ситуацию продолжала влиять инерция войны, поскольку англичане, привыкшие считать бесспорными свои притязания на французские земли, не могли сразу осознать случившегося. С другой — у Англии было слишком много интересов в Гиени, долгое время являвшейся ее владением³¹. Да и феодальная подоплека англо-французского противостояния продолжала играть заметную роль. П. Льюис отмечает, что противостояние королей Англии и Франции всегда представляло собою нечто большее, чем просто борьбу за право наследования короны. Оно во многом определялось интересами могущественной аристократии, способной в ту эпоху бросить вызов монарху. Вопросы государственного порядка в целом были тесно связаны с вопросом влияния королей на своих вассалов и местную сеньориальную власть, который до конца столетия еще не был решен.

По мнению Р. Бритнелла, военные неудачи, последовавшие за блестящими победами, подогревали враждебность англичан к французам.

²⁹ The Brut, or the Chronicles of England/Ed. F.W.D.Brie.L., 1908. P.365; *Fabyan R.* Op. cit. P.632.

³⁰ *Lewis P.S.* Later Medieval France. L., 1968. P.51.

³¹ Ibid.P.41, 51, 76–77, 237. Исход из Гиени после 1453 г. был ограниченным. В течение последующих лет в Англию перебралось около 200 человек, из которых только 40 — знать. Многие англичане здесь остались. Ibid.P.74–75. Упоминание в источниках воинственных настроений «общин» не означает, что эти слои английского общества стремились к *политическому* реваншу. Поддержка ими заморских походов определялась боязнью потерять Кале, утратить сложившиеся торговые связи. Вместе с тем, позиция «общин» в ближайшие после 1453 г. десятилетия, бесспорно, требует отдельного анализа.

В обыденном сознании прочно укоренились негативные стереотипы и образы³². Историки сообщают об эпизоде, произошедшем в конце 1470-х гг. на улицах Лондона, когда вслед французскому послу и его сопровождению толпа кричала «французские собаки». Эпидемия, вспыхнувшая в портах Англии в 1485 г., получила название «французского сифилиса»: молва утверждала, что болезнь занесли с континента проститутки, сопровождавшие войска Генриха VII. Презрение и враждебность к французам демонстрировали все — от корабейника до принца³³.

Устойчивость национальных предубеждений и предрассудков среди политически значимых социальных групп ограничивала возможности короля самому решать, как строить политику с соседями³⁴. «Национализм» (термин английского историка — В. З.) бросался в глаза не только в военное время и не только по отношению к старым врагам Англии. Силезский рыцарь, посетивший Англию в 1484 г., отмечал, что для тех людей, с кем он встречался, «мира за пределами Англии не существует». Итальянский автор, описывая Англию около 1500 г., подобным же образом комментировал английскую неприязнь к иностранцам и собственную завышенную самооценку этого народа, живущего в условиях островной замкнутости: «они думают, что нет людей, кроме них, и нет другого мира, кроме Англии»³⁵.

И все-таки определенные изменения в настроениях английского общества, в том числе в «верхах», происходили. А. Фергюссон приводит свидетельства о том, что в Англии второй половины столетия уже далеко не все готовы были поддерживать войну за морем «как выражение своеобразного коллективного поиска приключений в поддержку феодальных привилегий короля»³⁶. В произведениях поэта Джорджа Эшби в 1470-х гг. звучит призыв не начинать беспечно войну ради выгоды или для того, чтобы удовлетворить каприз, или ввязаться в нее по причине политической тупости³⁷. В поэме «Деятельная политика

³² Britnell R. *The Closing of the Middle Ages? England, 1471–1529*. Oxford, 1997. P.122.

³³ См.: Griffiths R. *King and County: England and Wales in the fifteenth century*. L., 1991. P.116.

³⁴ Britnell R. *Op. cit.* P.128.

³⁵ См.: Ibid. P.129.

³⁶ Фергюссон А. Б. *Золотая эпоха английской рыцарственности. Исследование упадка и трансформации рыцарского идеализма*. СПб., 2004. С.201.

³⁷ См.: Там же. С.190.

государя», написанной около 1470 г., автор советует молодому монарху быть осмотрительным с болтунами, не доверять им. Он сам должен тщательно разобраться в вопросе, чтобы достичь истинного понимания вещей. Меньше слушать лесть, она ведет к беде. Свое мнение всем не раскрывать, больше слушать и болтуны уйдут ни с чем. Ради чего такая осторожность? Ради благополучия и доходов рыцарей, сквайров, джентльменов. Чтобы бедные «общины» стали богатыми и чтобы богатство страны не оскудело, для этого необходимо сохранять мир³⁸.

Можно говорить, что английское общество к концу XV в. оказалось на распутье. Внутренние проблемы страны, необходимость восстановления торговых связей, поддержка общественным мнением политики в общегосударственных, а не сословных интересах — все это вело к постепенному переосмыслению прежних политических ценностей, формированию новых идей о предназначении власти³⁹. Однако инерция массового сознания, усугубленная замкнутостью островного государства, делала этот процесс смены приоритетов достаточно медленным.

³⁸ Ashby G. The Active Policy of a Prince // George Ashby's Poems / Ed. M. Bateson. L., 1899. P.33. Хотя Д.Эшби и был приближен к Маргарите Анжуйской, супруге Генриха VI, вполне можно согласиться с издателем поэмы, что предложение Эшби не выражение политики «миротворческой партии» Ланкастеров, а общее мнение, стремление к пересмотру внешней политики. — Bateson M. Introduction // George Ashby's Poems. P.VII.

³⁹ Известно, что пребывание Джона Фортеस्कью, приверженца Ланкастеров, при дворе Людовика XI и помилование Эдуардом IV оказало влияние на его политическое учение. — См.: Золотов В.И. Поиски Фортеस्कью в парадигме интеллектуальной истории // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И.Архангельского. XIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР С.И.Архангельского. Нижний Новгород, 2003.